

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
 Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
« __ » _____ 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Влияние зарубежной китайской диаспоры на государства Юго-Восточной
Азии: Малайзии, Индонезии и Таиланда

Руководитель	_____	<u>доцент, к.ю.н</u>	<u>В.А. Мещериков</u>
	подпись, дата	должность, учёная степень	инициалы, фамилия
Выпускник	_____		<u>Д.Е. Боброва</u>
	подпись, дата		инициалы, фамилия

Красноярск 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. Хуацяо – сокровище китайской экономики.	7
1.1. Определение хуацяо.	7
1.2. История китайской миграции в страны Малайзии, Индонезии и Таиланд.....	9
1.3. Положение хуацяо в второй половине XX в. в Индонезии, Малайзии и Таиланде.....	18
2. Китайская диаспора как инструмент влияния КНР в Индонезии, Малайзии и Таиланде.....	24
2.1. Влияние хуацяо в экономической, политической и культурной сферах в Индонезии.	27
2.2. Влияние хуацяо в экономической, политической и культурной сферах в Малайзии.....	34
2.3. Влияние хуацяо в экономической, политической и культурной сферах в Таиланде.....	38
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	44
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	46

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В 2020 г. показатель ВВП КНР составил 14,72 трлн долл., уступив только США (20,95 трлн долл. [1]). Также, Китай стал единственной экономикой, которая показала рост ВВП (показатели увеличились на 2,1%) во время пандемии COVID-19. Так, экономический рост КНР является одной из основных угроз гегемонии США в рамках современного мирового порядка, что и обуславливает повышенный интерес исследователей к политическим и социально-экономическим процессам в Китае. «Китайское экономическое чудо» стало возможным благодаря экономическим реформам «открытости», которые начались в КНР в 1979 г. под руководством Дэн Сяопина. Важную роль в модернизации китайской экономики сыграли зарубежные китайцы, так как они активно инвестировали в южные провинции КНР, которые являются «малой родиной» зарубежных китайцев.

В настоящее время китайская зарубежная диаспора является самой многочисленной в мире, а большая часть зарубежных китайцев проживает в странах Юго-Восточной Азии. Этнические китайцы занимают важное место в экономиках стран Юго-Восточной Азии, так как представители диаспоры контролируют больше половины всего капитала стран, составляя при этом этническое меньшинство. Поскольку зарубежные китайцы обладают значительным экономическим потенциалом, а также стараются сохранять связь с материковым Китаем через общность языка, культуры и истории, КНР стремится удерживать их в сфере своего влияния, выстраивая прагматичную политику в отношении соотечественников. Пекин рассматривает зарубежную диаспору как один из инструментов продвижения китайской «мягкой силы» и один из способов влияния на внутривнутриполитические процессы стран-пребывания.

Юго-Восточная Азия представляет стратегический интерес для КНР не только с точки зрения наличия природных ресурсов, но и его важностью для осуществления политических амбиций Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кроме того, регион Юго-Восточной Азии включен в ряд инвестицион-

ных проектов, реализация которых осуществляется в рамках китайской инициативы «Один пояс - один путь». Так, страны ЮВА являются связующим звеном между рынками КНР и Европы. К тому же, в силу географического положения и исторических причин между КНР и странами АСЕАН сложились тесные экономические отношения, что благоприятно способствует совместному сотрудничеству. В этой связи, КНР стремится укрепить экономические связи, а также добиться определенных внешнеполитических целей в странах ЮВА посредством интенсификации экономической и культурной деятельности через зарубежную китайскую диаспору.

В рамках данной работы **объектом исследования** выступают способы взаимодействия КНР с зарубежной диаспорой для достижения взаимных интересов. **Предмет исследования** – формы и способы влияния китайской диаспоры в Индонезии, Малайзии и Таиланде в политической, экономической и культурной сферах.

Целью работы является исследование механизмов влияния КНР на Малайзию, Индонезию, Таиланд через взаимодействие с зарубежными китайцами. Из поставленной цели ставятся соответствующие **задачи**:

- рассмотреть понятие «хуацяо», определить специфику формирования китайской диаспоры в Индонезии, Малайзии и Таиланде и ее структуру;
- изучить историю возникновения китайской диаспоры в Индонезии, Малайзии и Таиланде;
- рассмотреть этапы формирования китайской диаспоры в странах Юго-Восточной Азии;
- проследить изменение диаспоральной политики КНР по отношению к зарубежным китайцам;
- рассмотреть экономическое положение этнических китайцев в Индонезии, Малайзии и Таиланде в XXI в.;
- изучить способы политического участия представителей китайской диаспоры в Индонезии, Малайзии и Таиланде;

- выявить способы взаимодействия правительства КНР с зарубежной диаспорой.

Степень изученности темы положения китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии достаточно высока, однако большая часть исследовательских работ концентрируется либо на историческом развитии диаспоры, либо на отдельных сферах деятельности этнических китайцев в странах пребывания, либо на способах взаимодействия партийно-государственных структур КНР с диаспорой. В данной работе данные аспекты были рассмотрены комплексно, чтобы шире рассмотреть поставленную задачу, что и определяет новизну **настоящей** работы.

Источники и литературу можно разделить на соответствующие тематики. Во-первых, работы и монографии, посвященные изучению истории формирования китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии. Коллективная монография «Китайские этнические группы в странах Юго-Восточной Азии» под редакцией Г.И. Левенсона предоставляет объемную фактическую базу для изучения истории формирования и эмиграции китайцев в страны Юго-Восточной Азии, формирования взаимоотношений в треугольнике европейские колонисты – этнические китайцы – местное население, а также для изучения особенностей социально-экономической интеграции и ассимиляции этнических китайцев в странах Юго-Восточной Азии. К данным материалам также можно отнести работы А.Г. Ларина, Гу Цзенцзина, Г. Скиннера.

Во-вторых, важной работой является монография Е.С. Анохиной «Е.С. Китайские диаспоры и «новая» китайская миграция в странах Юго-Восточной Азии», где представлены не только исторические этапы развития китайской диаспоры, но и исследованы изменения в формировании диаспоральной политики Китая по отношению к зарубежным китайцам.

В-третьих, работы, посвященные исследованию отдельных аспектов деятельности китайских диаспор в Индонезии, Малайзии и Таиланде. К данным работам можно отнести статьи А.В. Афанасьевой, И.Н. Золотухина, П.Н.Калмыкова, А.А. Сергеевой, М.И. Струковой, М.В.Орловой, С.В. Михне-

вич, а также работы зарубежных исследователей: А.Гэмбл (Gamble A.), Э. Гомез (Edmund Gomez).

В-четвертых, новостные сообщения информационных агентств таких как газета «Жэньминь жибао», ТАСС, The Malaysian Insider. Списки богатейших людей журнала Forbes были использованы с целью рассмотрения этнической принадлежности крупнейших предпринимателей стран Малайзии и Таиланда.

В рамках работы были методологическую основу составили сравнительный, исторический анализ, а также методы системного анализа и ивент-анализа.

Работы состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы и источников.

1. Хуацяо – сокровище китайской экономики.

1.1. Определение хуацяо.

Экономика КНР считается самой быстрорастущей экономикой в мире. За последние 40 лет проведения политики «реформ и открытости» (1978 г.) правительству Китая удалось из изолированной экономики командного типа стать второй мировой экономической державой по показателям ВВП, уступив только США. Помимо быстрых темпов развития, экономическая система КНР является довольно устойчивой. Так, во время мирового экономического кризиса, вызванного вспышкой пандемии COVID-19, Китай стал единственной страной, которая показала рост ВВП (показатели увеличились на 2,1%).

Очевидно, что большим импульсом для развития, диверсификации и роста экономики КНР послужила политика реформ и открытости, проводимая Дэн Сяопином в 1979 г. Среди основных причин «китайского экономического чуда» можно выделить следующие: постепенный переход к рыночной системе экономики, разделение экономики на ключевые секторы, дешевая рабочая сила, а также выход страны на международный рынок и проведение политики по привлечению иностранных инвестиций, что способствовало интеграции КНР в мировую экономическую систему.

Считается, что именно зарубежные китайцы оказали существенную поддержку экономическим реформам в КНР, проходившим с 1980 по 1990 гг, главным итогом которых стали структурные изменения в экономике страны, что, в свою очередь, позволило КНР стать одной из крупнейших экономик мира. Как уже было сказано ранее, в рамках политики «открытых дверей» правительство Китая приняло стратегию привлечения иностранных инвестиций, а также взяло курс на обеспечение выхода КНР на международный рынок. В этой связи, сумма зарубежных инвестиций за время реформ (1979-1997 гг.) составила примерно 638 млрд долл. [2, с.113], большая доля которых приходилась на капитал зарубежных китайцев. Представители китайской диаспоры массово инвестирова-

ли в южные провинции КНР (родина многих предков зарубежных китайцев) из зарубежных стран, в частности из стран Юго-Восточной Азии.

В настоящее время, зарубежные китайцы продолжают играть важную роль в лоббировании экономических интересов КНР. Помимо этого, представители китайской диаспоры активно ведут деятельность в сферах распространения китайской культуры и политического влияния в странах пребывания. Таким образом, китайская диаспора является одним из основных инструментов распространения «мягкой силы» Китая.

Традиционно, этнические китайцы за рубежом сохраняют свою самобытность, многие из них внутри общины разговаривают только на китайском языке и поддерживают тесные связи с родственниками, проживающими в КНР. Так, Китай получает около 9% от общемировой суммы денежных переводов, что составляет 702 млрд. долл [3, с. 83]. Кроме того, китайские мигранты являются одной из основных сил модернизации стран-реципиентов, а также являются посредниками в экономическом сотрудничестве Китая и стран-пребывания.

Китайская диаспора является самой многочисленной диаспорой в мире, в связи с чем КНР старается удержать их в своей сфере влияния. Количество китайцев, проживающих за рубежом, к 2020 г. составило примерно 10 млн [3, с. 83], по данным Международной организации миграции. Учитывая потомков зарубежных китайцев, то их количество возрастает до 60 млн [4]. Около 75,2% представителей китайской диаспоры проживает в странах Юго-Восточной Азии [5] и занимают устойчивые позиции в экономике стран региона: они контролируют около 70% капитала и накоплений, составляя меньшинство населения страны проживания (всего 6% [6, с. 159]).

Для КНР крайне важно оказывать поддержку зарубежным китайцам, поскольку их инвестиции необходимы для дальнейшего роста экономики Китая и ее модернизации. Правительство КНР стремится укреплять «чувство культурного и национального родства» с зарубежными китайцами, используя дискурс исторической и культурной общности. Концептуальной базой для реализации перечисленных выше целей стала идея «цяосян» («малая родина»). Историче-

ски для многих зарубежных китайцев такими цзясян являлись южные провинции Китая, откуда родом были их предки, в связи с этим, цзясяны стали «магнитами» для привлечения инвестиций. Помимо этого, КНР рассматривает всех зарубежных китайцев (хуацяо) как соотечественников вне зависимости от их места жительства и гражданства.

Под термином «хуацяо» понимаются «китайские граждане, постоянно проживающие за границей», в российской научной литературе этот термин широко распространен и означает в целом этнических китайцев, проживающих за рубежом. Помимо «хуацяо» также фигурируют следующие понятия: «хуажэнь», «гуйцяо», «цзяоцзюань».

Для определения данных терминов воспользуемся классификацией, данной А.Г.Лариным в монографии «Китай и зарубежные китайцы» [7, с. 78].

«Хуажэнь» — это «соотечественники» или их потомки, которые в силу получения иностранного гражданства автоматически утратили китайское. «Гуйцяо» — это хуацяо, которые после временного пребывания за границей, вернулись в Китай на постоянное место жительства, или иначе реэмигранты. «Цзяоцзюань» — это родственники хуацяо и гуйцяо.

Для того, чтобы глубже и шире понять современное состояние и структуру китайской диаспоры в странах Юго-Восточной Азии, в частности в Малайзии, Индонезии и Таиланде, а также контуры ее взаимодействия с КНР, необходимо рассмотреть исторические этапы формирования и развития хуацяо в вышеперечисленных странах.

1.2. История китайской миграции в страны Малайзии, Индонезии и Таиланда

История китайской эмиграции насчитывает около 2 тысяч лет. Так или иначе, китайцы покидали свою родину во время правления каждой династии, причинами чего служили в основном внутренние проблемы такие как, напри-

мер, народные восстания и войны, политические репрессии, тяжелое экономическое положение в стране, запрет на частную внешнюю торговлю и т.д.

Традиционно выделяют четыре этапа истории переселения китайцев в страны Юго-Восточной Азии: первый этап - с древнейших времен до первой половины XIX века; второй – с середины XIX века до 1949 года, третий – с 1949 года до 1978 года; четвертый, «новая» волна миграции, – с 1978 года по настоящее время [8, с. 18].

Так, первая волна переселения была тесно связано с частной торговой деятельностью китайцев со странами Юго-Восточной Азии, расположенным по маршрутам Великого Шелкового и морского путей; вторая волна – с европейской колонизацией и возрастающей потребностью стран Европы и США, где проходил процесс индустриализации, в свободной рабочей силе, которую составили китайские мигранты (кули). Период с 1949 г. по 1978 г. характеризуется ограничением политики выезда китайцев из КНР, поэтому третья волна эмиграции начинается с 1978 г. – начало политики «реформ и открытости» Дэн Сяопина (1978 г.), в рамках которых было пересмотрено отношение к хуацяо, и как следствие, меняется структура миграционного потока и сама зарубежная диаспора приобретает новые черты.

Первая волна переселения китайцев за рубеж, временные рамки которой охватывают периоды правления династии Цинь и Хань (221 г. до н.э. – 220 г. н.э.), носила характер торговой миграции и была тесно связана с созданием Великого шелкового и морского путей, которые соединяли Китай и страны Юго-Восточной Азии (или Наньян [9, с. 59]).

В период между XI и XV вв. китайские частные торговцы способствовали тому, что сформировали сложную систему морской торговли по Шелковому и морскому путям, которая требовала временного или постоянного пребывания китайцев на территориях Наньяна, островах Рюкю и в Индии [10, с. 766].

Основная волна миграции начинается в период с 618 г. до 1279 г. (время правления династии Тан и Южной Сун), именно в это время было сформировано первое поколение хуацяо [9, с. 60]. Главными причинами миграции были в

основном внутренние экономические проблемы в Китае, вследствие чего китайцы переезжали на юго-восток страны, где начал формироваться класс китайских торговцев, специализировавшихся на торговле со странами Наньяна. Далее, китайские торговцы с южных провинций на долгое время переселялись на территории современных Индонезии, Таиланда, Филиппин и Малайзии для ведения торговли, поскольку правящие династии (Сун и в дальнейшем Юань) поддерживали экономическую активность своих соотечественников, предоставляя им государственные кредиты, взамен чего получали 70% от дохода китайских торговцев в государственную казну [11, с. 38].

Другой причиной эмиграции китайцев в страны Юго-Восточной Азии стали такие внутренние проблемы, как нехватка земель и перенаселение территорий. Многие китайцы переезжали в Сингапур, Индонезию, Малайзию, Вьетнам, Филиппины и Таиланд, где занимались торговлей: продавали фарфор, ткани, чай и т.д.

После прихода к власти династии Мин (1368-1644 гг.) частная экономическая деятельность со странами Наньяна была запрещена: внешнюю торговлю разрешалось вести только посредством специальных торговых миссий, санкционированных государством. Результатом такой политики стали знаменитые семь путешествий Чжэн Хэ в страны Юго-Восточной Азии 1405-1433 гг. Несмотря на государственные запреты на частную торговлю китайцы продолжали свою экономическую деятельность нелегально. Поскольку по возвращении в Китай многие торговцы подверглись бы наказанию за нарушение запрета Мин, китайцы, работавшие за рубежом, оставались за пределами родины.

Так, на побережье Сиамского залива (современный Таиланд) к XIII-XIV вв. уже проживало значительное количество китайских переселенцев, например, только в г. Аюттия проживало около 20 тыс. этнических китайцев [10, с. 769]. В основном они занимались торговлей, земледелием, а также различными промыслами, в частности, добычей олова. К XVIII в. китайцы фактически установили монополию над торговлей Сиамом (Таиланд): они создавали настолько влиятельные торговые корпорации, что местные власти не имели рычагов

влияния для того, чтобы облагать их деятельность налогами. Также, доказательством того, что этнические китайцы занимали крепкие позиции в экономике Сиам, служит тот факт, что колонисты из Англии в 1620 г. вынуждены были обращаться именно к китайским корпорациям для получения разрешения на ведение торговой деятельности [12, с. 21].

Помимо сильных позиций в экономике Таиланда, китайские переселенцы также стремились распространить свое влияние и на политическую жизнь страны. В XVIII в. зажиточные китайцы покупали должности наместников провинций, таким образом, формируя устойчивый слой бюрократии, состоявшей из этнических китайцев [12, с. 22].

Отличительной особенностью зарубежных китайцев, проживающих в Сиаме, от хуацяо других стран была высокая степень ассимиляции: здесь китайцы заключали браки с женщинами из местного населения, формируя китайско-тайскую элиту, занимающую влиятельные позиции в экономике страны. Такое положение сохраняется и до настоящего времени. Детей от смешанных браков (отец-китаец и мать-таи) называли «луук тьин» (дословно «китайский ребенок» [13, с. 3]), впоследствии за ними закрепилось название «перанкан», которое изначально возникло в Индонезии, а затем стало общим для обозначения всех детей смешанных браков в странах Юго-Восточной Азии.

«Перанкан», или «луук тьин», в Сиаме обладали влиянием не только в экономической сфере, но и в политической. Так, после того как бирманцы разрушили г. Аютия в 1767 г., Таксин Великий, сын китайского торговца и матери-таи, основал новую династию, которая правила Сиамом до 1782 г. Последующая династия Чакри также происходила от китайских предков [10, с. 770].

На рубеже XVIII-XIX вв. хуацяо в Сиаме начали вести активную сельскохозяйственную деятельность, в частности, выращивали перец, рис и сахар. Таким образом, в это время китайский капитал был направлен в сферу плантационного хозяйства [14, с. 159].

На Малайском архипелаге первые поселения китайцев появились еще в X в. на острове Ява, однако появление первых крупных китайских общин на этих

территориях связывают с путешествиями Чжэн Хэ (1405-1433 гг.): китайские моряки из его экспедиций, высадившиеся на о. Ява, основали поселения на этих территориях, а также свои торговые фактории [12, с. 22]. Так, на о. Ява начали появляться первые китайские кварталы, в которых проживали богатые китайские купцы. Они занимались перепродажей европейцам таких предметов роскоши, как шелк, фарфор, ювелирные изделия, а также пороха.

Кроме того, в начале 1800-х годов многие представители хуацяо, проживающие в западной Малайе (кантонцы и хакка), заключили контракты с малайскими правителями на добычу олова, золота и других полезных ископаемых. Небольшие поселения, основанные китайскими шахтерами, впоследствии превратились в крупные города и экономические центры Малайзии, среди которых был и г. Куала-Лумпур [10, с. 771].

Таким образом, введение запретов Мин привело к тому, что к XV в. многие зарубежные китайцы оставались в странах пребывания на постоянное место жительства, хотя ранее возвращались в Китай. Это, в свою очередь, привело к тому, что в странах Наньяна начали формироваться сильные позиции китайского капитала [15, с. 14].

Так, в период борьбы голландцев и португальцев за контроль над островами Банда, Ява и Суматра (территория современной Индонезии), китайские мигранты уже являлись основой экономического процветания данных территорий: китайцы занимались продажей таких прибыльных товаров как перец, рис и сахар.

Изначально европейские колонизаторы вели борьбу со всеми конкурентами за монополию на торговую деятельность в странах Юго-Восточной Азии, включая китайцев. Однако, в дальнейшем между китайскими купцами и европейцами были сформированы контуры взаимодействия: незнание языка и местных обычаев мешало европейским колонизаторам успешно вести торговлю. В этой связи, китайцы стали играть роль откупщиков по сбору налогов и пошлин, переводчиков и, в целом, посредников между местным населением и европейцами. Именно поэтому, когда в 1602 г. была основана Ост-Индская голландская

компания, китайцы были задействованы во всех сферах деятельности компании [16, с. 56].

В 1620 г. генерал-губернатор голландской Ост-Индии Ян П. Кун официально разрешил китайцам вести частную торговлю на о. Ява, поскольку местные жители отказывались торговать с «захватчиками». Также, в этом же году Я.П.Кун основал специальный «китайский квартал» в Батавии (главный колониальный город голландцев), где главным чиновником традиционно назначали самого влиятельного представителя китайской общины. Главный чиновник получал право собирать налоги с местного населения и осуществлять уголовную судебную практику [16, с. 56]. Таким образом, голландцы поощряли увеличение китайского населения в колониальных территориях. Так, например, в 1619 г. в Батавии численность китайского населения составляла около 400 человек, однако уже через 10 лет число китайцев увеличилось в 5 раз [12, с. 31].

Кроме того, в это время (XVII в.) начала формироваться система монопольных откупов, за счет чего также происходило укрепление позиций китайцев в экономике Индонезии и других стран Юго-Восточной Азии. Система откупов включала в себя предоставление частным лицам прав на сбор налогов за торговую деятельность на определённый срок, монополию на производство и продажу определенных видов продуктов и т.д. Так, китайские откупщики в Индонезии контролировали целые районы, в связи с чем им удалось закрепиться в системе административного управления [12, с. 35].

Таким образом, среди основных итогов первой волны эмиграции этнических китайцев в страны Наньяна (а именно в Индонезию, Таиланд и Малайзию) можно выделить следующие. Во-первых, китайцы в основном занимались экономической деятельностью, за счет чего были созданы сильные позиции китайского капитала в экономиках стран пребывания, в частности в добывающей сфере и торговле. Во-вторых, процесс ассимиляции во многих странах Наньяна, за исключением Сиама (Таиланд), был затруднен, с одной стороны тем, что китайцы стремились сохранить самобытность, создавая «китайские кварталы», и, с другой стороны тем, что, выступая в роли сборщиков налогов, было сформиро-

ровано негативное отношение к хуацяо со стороны местного населения. Также, с началом европейской колонизации, возникла тенденция к усилению позиций этнических китайцев в административной и политической сферах.

Вторая волна масштабной миграции приходится на середину XIX века (начало опиумных войн) – начало 1940-х. Она была вызвана, в первую очередь, принудительным открытием Китая. По окончании опиумных войн (1840-42 гг. и 1860 гг.) между Китаем и европейскими государствами были заключены Тяньцзиньские трактаты, в соответствии с которыми ограничения на ввоз иностранных товаров, а также на миграцию китайцев был фактически сняты.

В этой связи, в 1860 г. Цинская династия вынуждено разрешила вывоз китайских рабочих за границу, в связи с чем численность китайцев, проживающих за рубежом начала увеличиваться, так как китайские наемные рабочие (кули) массово мигрировали в страны Юго-Восточной Азии, Южной Африки, США и европейские страны, поскольку последние сильно нуждались в рабочей силе, так как шел активный процесс индустриализации.

Таким образом, во второй половине XIX в. китайская эмиграция в страны Юго-Восточной Азии была обусловлена потребностью в рабочей силе для промышленного развития региона. В итоге, более 5 млн китайских рабочих мигрировали в период с второй половины XIX в. по XX в., из которых 2 млн остались в странах Юго-Восточной Азии [15, с. 16]. Так, к 1860 г. в Индонезии проживало около 221 тыс. китайцев, а уже к концу 1890 г. их численность насчитывала до 537 тыс. [12, с. 36].

Несмотря на то, что основой второй волны миграции были кули (т.е. наемные рабочие), хуацяо, проживающие в странах Наньяна, продолжали укреплять свои позиции в сфере торговли. Так, накануне Великой Депрессии (1920-е гг.) около 40% представителей китайской диаспоры в Индонезии владели крупным бизнесом и были предпринимателями, 50% являлись сотрудниками магазинов и около 10% были наемными рабочими (те самые кули), которые, чаще всего, работали на каучуковых плантациях на о. Суматра [16, с. 62].

Показательным примером является компания Салим Групп (Salim Group), которая до сих пор занимает доминирующее положение в экономике Индонезии. Судано Салим (Sudono Salim, или Liem Sioe Liong), основатель компании, являлся китайским эмигрантом из провинции Фуцзянь. В конце 1950-х годов, во время войны за независимость Индонезии, он установил коммерческие отношения с республиканскими войсками страны. Позднее, во время «Движения 30 сентября», он был главным поставщиком для одного из самых престижных подразделений индонезийской армии: для дивизии Дипонегоро. В период правления Сухарто, состояние конгломерата начало увеличиваться благодаря тому, что Салим Групп было предоставлено привилегированное право на торговлю сельскохозяйственной продукцией, а две из компаний конгломерата являлись крупнейшими в продаже кофе и каучука [12, с. 36]. В настоящее время, Салим Групп является одной из трех крупнейших компаний Индонезии, которые управляются этническими китайцами.

Что касается положения китайской диаспоры в Сиаме (Таиланд), то здесь возможности хуацяо в сфере производства, в отличие от этнических китайцев в Индонезии, были ограничены, во-первых, притоком европейского капитала в XIX в., во-вторых, сильными позициями тайской буржуазии. В этой связи, китайцы фактически монополизировали финансовый сектор (занимались ростовщичеством, а также были задействованы в системе откупов) и внешнюю торговлю. Таким образом, китайцы, занятые в секторе скупки иностранных продуктов, сотрудничали с европейскими фирмами, создавая так называемые гунсы (торговые объединения). В 1890 г. 62% торгового оборота создавали китайские фирмы, тогда как, для сравнения, на долю английских фирм приходилось 26%, а индийских – 8% [16, с. 62]. На ряду с другими странами Юго-Восточной Азии в Сиаме также наблюдался прирост китайского населения за счет кули. Так, в период с 1850 г. по 1930 г. количество китайцев увеличилось в 5 раз (с 300 тыс. до 1,5 млн), согласно Дж. Скиннеру [12, с. 36].

Для того, чтобы защитить свои позиции в бизнесе от монопольной деятельности европейских компаний китайцы создавали специальные торговые

палаты для поддержки и обмена коммерческой информацией, а также для формирования общей бизнес площадки с широкой сетью деловых контактов.

Первые торговые палаты начали появляться в Сингапуре, Индонезии и на Филиппинах в 1910-х гг. [12, с. 40], и изначально они были разделены по отраслям, однако впоследствии многие палаты трансформировались в предпринимательские союзы между представителями китайской диаспоры в Наньяне и Китае.

Таким образом, началось формирование каналов взаимосвязи хуацяо разных стран Юго-Восточной Азии с их первоначальной родиной, что стало прообразом современных ассоциации китайских торгово-промышленных палат Малайзии (The Associated Chinese Chambers of Commerce and Industry of Malaysia, или ACCCIM), о которых будет подробнее рассказано в следующей главе.

В 20-30-х гг. XX в. китайский капитал постепенно начал терять свои доминирующие позиции в экономиках стран Юго-Восточной Азии. Это было вызвано, в первую очередь, тем, что европейские компании начали процесс модернизации деятельности своих фирм в колониях.

Одним из итогов второй волны миграции также стала политика западноевропейских колонистов по предоставлению привилегий этническим китайцам, которая начала формироваться еще в первый период формирования хуацяо. В свою очередь, данная политика способствовала разделению всего местного общества по социальному и этническому признаку одновременно. Так, в рассмотренных выше примерах, можно проследить следующую иерархию: западноевропейские колонисты занимали в основном управленческие должности, этнические китайцы выступали в качестве посредников, обладали широкими правами на разработку природных ресурсов и торговлю, а также владели крупным и средним бизнесом, местное население по большей части занималось сельским хозяйством.

Таким образом, разные этнические группы обладали своими закрепленными социальными ролями в обществе, причем местное население занимало

низшие позиции. Впоследствии, данный фактор способствовал формированию основы для будущей дискриминационной политики в отношении хуацяо после ухода колонистов их стран Юго-Восточной Азии.

1.3. Положение хуацяо в второй половине XX в. в Индонезии, Малайзии и Таиланде.

Важно отметить, что на протяжении всего времени (т.е. до середины XIX в.) китайская миграция не являлась частью государственной политики Китая. Наоборот, она носила нелегальный характер. Так, например, во время правления династии Мин (1368-1644) существовал запрет на частную торговлю с иностранцами, однако многие китайцы продолжали свою торговую деятельность в странах Юго-Восточной Азии незаконно. Китайские торговцы не имели права вернуться в Китай, в связи с чем были вынуждены оставаться в странах, где вели свою экономическую деятельность [17, с. 27]. Именно незаконный характер эмиграции определил формы взаимодействия китайцев с местным населением. В отличие от европейских мигрантов-колонистов, китайцы занимались мирной деятельностью, по большей части, торговлей.

Однако, во второй половине XX в. Китай начал выстраивать стратегию формирования отношений с зарубежными «соотечественниками», а также выстраивать способы регулирования внешней миграции.

В период 1949-1954 гг. молодое государство КНР рассматривало поддержку и защиту китайской диаспоры за рубежом необходимым направлением своей политики, поскольку зарубежные китайцы считались гражданами КНР и, как следствие, неотъемлемой частью страны. Политика поддержки хуацяо была закреплена в Общей программе (временная конституция), 58-й пункт, принятой в 1949 г. Народным политическим консультативным советом Китая [18, с. 24]. После образования КНР (1949 г.) правительственные органы опирались на хуацяо как на инструмент достижения внешнеэкономических целей: в частности, поощрялась инвестиционная деятельность диаспоры в КНР и их содействие в

рамках поставок различных товаров (от сырья до сельскохозяйственной продукции), которые были необходимы Китаю для развития собственной экономики.

С 1953 г. до 1958 г. во время становления государственности в КНР, с целью предотвращения конфликтов со странами Юго-Восточной Азии, вектор миграционной политики несколько изменился. Теперь, в ее основе лежал принцип натурализации, т.е. получения гражданства по месту жительства, в связи с чем правительство КНР поощряло интеграцию хуацяо с местным населением зарубежных стран, а также принятие гражданства страны пребывания. Такая резкая смена политики КНР была связана с ростом национализма китайских диаспор в странах Юго-Восточной Азии, в связи с чем правительства этих стран устанавливали ограничения на экономическую деятельность хуацяо [6, с. 158].

Также, была создана система выездных виз для пересечения границы, хотя ранее зарубежные китайцы могли свободно въезжать в Китай. Теперь легальными считались только студенческая миграция и эмиграция в рамках предоставления экономической помощи другим социалистическим странам. Таким образом, эмиграция этнических китайцев в страны Юго-Восточной Азии почти прекратилась, поскольку теперь разрешалось выезжать только в СССР и другие страны социалистического лагеря на временное проживание.

Культурная революция фактически запретила любое перемещение китайцев в зарубежные страны. Так, с 1965 по 1976 гг. любой выезд за границу воспринимался как предательство Родины, самих хуацяо воспринимали на материке как «шпионов», классовых врагов, а поддержание общения с мигрантами, получение от них финансовой помощи наказывалось, в связи с чем семьи хуацяо часто подвергались репрессиям.

В этой связи можно сделать вывод, что миграционная политика КНР в отношении хуацяо носила непоследовательный характер. Изначально главной целью поддержки китайских сообществ в странах Юго-Восточной Азии являлись способность хуацяо вмешиваться во внутренние дела стран-пребывания и

интенсификация экономической деятельности компаний хуацяо с КНР. Однако, впоследствии любые контакты с зарубежными китайцами подвергались строгим запретам, что было связано с проведением культурной революции в Китае.

Одновременно с жестким ограничением передвижения китайцев из КНР в другие страны происходил процесс вторичной миграции из стран Юго-Восточной Азии. В первую очередь, это было связано с дискриминационной внутренней политикой местных правительств, ростом националистических настроений и ксенофобии в отношении этнических китайцев в 1960-1970 гг., поскольку именно в этот период новые независимые государства (Индонезия – 1949 г., Малайзия – 1957 г., Таиланд фактически был буферной зоной между британскими и французскими колониями, в связи с чем оставался независимой территорией во период колонизации) начинают проводить свою самостоятельную государственную политику, формируя концепцию национальной идентичности, в рамках которой хуацяо не могут занимать доминирующее положение в экономической сфере страны.

В Малайзии, начиная с 1963 г., проблема бедности и экономического неравенства населения являлась центральной для нового правительства. Проблема экономического неравенства напрямую была связана с исторически закрепившимися сильными позициями китайского меньшинства в экономике страны, в то время как большинство – малайцы – жили в бедности и оставались безработными.

Правящая партия, Объединенная Малайская национальная организация (ОМНО), показала свою несостоятельность в решении социально-экономических проблем, в связи с чем в обществе начали набирать популярность оппозиционные партии: Партия Демократического действия (ПДД), Народное движение Малайзии (большинство составляли китайцы) и Панмалайская исламская партия (с 1971 г. - ПАС). Основными требованиями ПДД и партии Народного движения Малайзии являлись лишение привилегий малайского населения и установление правового равенства. Несмотря на то, что не все малайцы выступали за предложенные реформы оппозиционных партий, все же на

выборах 1969 г. многие проголосовали против ОМНО. В честь победы оппозиционные партии устроили митинг 13 мая 1969 г. в Куала-Лумпур, который вылился в массовые беспорядки, в результате которых около 178 китайцев были убиты [19, с. 94]. Главной причиной конфликта стало неравенство малайцев и китайцев.

В Индонезии гонения на этнических китайцев начались после провозглашения независимости Индонезии в августе 1945 года. В конце 1950-х годов правительство установило курс на вытеснение китайского капитала из государственного сектора экономики и на укрепление позиций местной буржуазии [20, с. 113]. Однако, вследствие отсутствия опыта у местных предпринимателей в ведении бизнеса и недостатка квалифицированных рабочих кадров среди индонезийцев правительственный курс, направленный на национализацию иностранных предприятий и формирование мощного государственного сектора, потерпел неудачу.

Политику в отношении этнических китайцев в период президентства Сухарто (1967 – 1998 гг.), или «Режим нового порядка», нельзя воспринимать однозначно. С одной стороны, политика «открытой экономики» в рамках «нового порядка» предполагала поддержку частного предпринимательства и поощрение экономической деятельности, направленной на привлечение иностранного капитала, что привело к возможности для китайского капитала обрести статус национального, в особенности в торговой сфере [20, с. 113]. С другой стороны, в 1967 году был принят ряд законов [21, с. 165], направленных на принудительную ассимиляцию и дискриминирующих китайское меньшинство: замена китайских имен на индонезийские, ограничения по использованию китайского языка, лишение права отмечать традиционные праздники, запрет на работу в государственном аппарате и армии, исламизация китайского населения. В 1966 г. министерство просвещения Индонезии закрыло китайские школы, в связи с чем более 2-х лет дети хуацяо не могли продолжить или начать обучение, поскольку в государственных и частных индонезийских школах приоритет отдавался детям коренных индонезийцев [21, с. 165].

В 1966 во время государственного антикоммунистического переворота в Индонезии этнических китайцев воспринимали как «тайных агентов КНР» и подозревали в связях с Коммунистической партией Китая (КПК) и Компартией Индонезии (КПИ), в результате чего в стране начались антикитайские погромы. После событий 1965 – 1967 гг. многим китайцам пришлось принять христианство, что стало еще одной причиной для роста антикитайских настроений среди местного населения [22, с. 131], исповедовавшего ислам. Также, вследствие этноконфессиональных причин затруднена ассимиляция китайцев и индонезийцев, несмотря на то что законодательно межэтнические браки не запрещены. Таким образом, к концу 1970-х гг. в Индонезии сложилась закрытая китайская диаспора [15, с. 62].

Однако, дискриминационная политика «нового порядка» не ликвидировала лидерские позиции китайцев в экономике Индонезии. Так, около 5% ВВП страны производилось одним из крупнейших конгломератов компаний Индонезии – Salim Group, которая принадлежит членам китайской диаспоры [21, с. 166].

Что касается положения хуацяо в Таиланде, то здесь наблюдается противоположная тенденция. Исторически хуацяо стремились к слиянию с местным населением. В течение первой половины XX в. усиливался процесс постепенной и ненасильственной ассимиляции с местным населением, что было необходимо для реализации политики короля по созданию единой сиамской нации.

В 1913 г. король Сиам принял «Закон о фамилиях», согласно которому всем тайским подданным необходимо было официально зарегистрировать свою фамилию на тайском языке [23, с. 134]. Данный закон способствовал ассимиляции хуацяо в Сиаме, поскольку многие из них стремились стать полноправными подданными. Однако, у китайцев оставалась свобода выбора в самоидентификации, которая никак не дискриминировалась: если представитель китайской диаспоры отказывался от регистрации тайской фамилии, то он все равно сохранял равные с местным населением права в ведении бизнеса и трудоустройства [12, с. 49].

Так, к 1930 г. за китайскими эмигрантами были закреплены лидирующие позиции практически во всех отраслях экономики страны: сельское хозяйство, торговля и промышленный сектор.

Однако, в 1932 г. в Сиаме в результате государственного переворота была упразднена абсолютная монархия, и к власти пришла националистическая Народная партия Сиама. Многие представители партии выступали за ограничение доли иностранного капитала, в связи с чем сформировалось отрицательное отношение как к инвестициям западных стран, так и к капиталу зарубежных китайцев.

В период премьер-министра Таиланда Пхибуна Сонгкхрама (1938-1944 гг.) был принят ряд государственных декретов, или «раттханийомы», основными целями которых являлись создание национального государства на основе тайского этноса, формирование единой нации и распространение тайских культурных традиций на этнические меньшинства Таиланда. Политика «таизации» населения привела к распространению тайского языка среди этнических китайцев, поскольку в 1939 г. в школах были уменьшены часы преподавания китайского языка [24, с. 241]. Кроме того, правительство П. Сонгкхрама стремилось к созданию государственного сектора в экономике страны, в первую очередь, за счет ослабления экономического положения хуацяо и поощрения национального предпринимательства путем создания фиксированной доли уставного капитала компаний, большая часть должна была принадлежать тайцам [25, с. 276].

Таким образом, политика П. Сонгкхрама была направлена на предотвращение расслоения общества по этно-конфессиональному признаку, так как предполагалось, что новое поколение хуацяо, рожденное уже в Таиланде, будет воспитываться согласно государственной идеологии. Также, важным результатом политики создания национального государства стало сращивание китайского капитала и тайской политической элиты через процесс выдачи тайского гражданства крупным китайским предпринимателям.

2. Китайская диаспора как инструмент влияния КНР в Индонезии, Малайзии и Таиланде.

На современном этапе правительство КНР уделяет большее внимание своей миграционной политике, поскольку диаспора зарубежных китайцев является самой многочисленной, а также занимает устойчивые экономические позиции в странах Юго-Восточной Азии, что открывает новые возможности для развития финансовой, экономической и научно-технической сфер КНР.

В 1980 г. был принят Закон о гражданстве КНР, который до сих пор имеет большое влияние на ведение миграционной политики по отношению к китайской диаспоре. Данный закон не предусматривает двойного гражданства, однако в нем закреплено право китайских граждан на переезд в другую страну и получение местного гражданства. Так, с помощью закона 1980 г. КНР удается балансировать, с одной стороны, между укреплением отношений с хуацяо и снижения напряженности со странами Юго-Восточной Азии, и, с другой стороны, за зарубежными китайцами сохраняется возможность возвращения в КНР [15, с. 47]. Также, принятие закона о гражданстве является показательным с той точки зрения, что КНР стремится сохранить взаимодействие с китайской диаспорой в рамках культурного сотрудничества и поддержки родственников хуацяо в Китае. Это значит, что Пекин не оставляет за собой «морального» права на нарушение суверенитета других государств и формирует «образ ответственного и мирного государства, проявляющего заботу о своих гражданах [15, с. 48]».

Концептуальные основы для работы с зарубежной китайской диаспорой были заложены Дэн Сяопином, поскольку именно во время реформ открытости КНР была необходима экономическая поддержка хуацяо в виде инвестиций и экспорта технологий. Основу концепции Дэна Сяопина составляет идея о том, что хуацяо – это «часть единой великой китайской нации со своей исторической миссией» [26, с. 12], а защита интересов и прав зарубежных китайцев – прямая обязанность правительства КНР.

С приходом четвертого поколения руководства КПК во главе с Ху Цзиньтао (2003–2013 гг.) диаспоральная политика Пекина перешла на качественно новый уровень: теперь взаимодействие с зарубежными китайцами осуществлялось в рамках реализации стратегии «мягкой силы» Китая. Ху Цзиньтао был первым председателем КНР, кто на официальном уровне утвердил идейные основы «мягкой силы» Китая, которые были обоснованы в рамках концепции «гармоничного мира совместного процветания» (принята в 2005 году). Суть данной концепции заключалась в том, что построение гармоничного мира должно быть главной целью международного сообщества, достичь которую можно только через открытый диалог, стремление к миру и сотрудничеству [27]. Одними из основных направлений развития «мягкой силы» КНР стали укрепление взаимовыгодных отношений с соседними странами (в частности, со странами АСЕАН) и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе в том числе и через интенсификацию связей с зарубежной китайской диаспорой [28, с. 158].

КНР стремится реализовывать политику «мягкой силы» в странах Юго-Восточной Азии, поскольку данный регион является привлекательным для Пекина как с точки зрения экономического потенциала (запасы минеральных ресурсов, зона свободной торговли со странами АСЕАН и др.), так и с позиции того, что ЮВА – это стратегически важный регион для достижения политических амбиций Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе в условиях соперничества с США.

С помощью «мягкой силы» КНР стремится достичь определенные внешнеполитические цели, а также, самое главное, обосновать свое право на мировое лидерство посредством улучшения имиджа страны в глазах других государств. Так, для создания привлекательного образа КНР использует свой культурный потенциал, укрепляет свой международный авторитет, а также усиливает свое экономическое влияние, в частности на страны Юго-Восточной Азии.

На сегодняшний день КНР стремится сформировать идеологическую базу для объяснения своего мирового лидерства через внешнеполитическую кон-

цепцию «китайской мечты», которая была сформирована пятым поколением руководителей КНР. На XVIII съезде Всекитайского собрания народных представителей Си Цзиньпин выступил с докладом [29], где подробно были изложены главные принципы реализации «китайской мечты». Суть данной концепции заключается в «возрождении китайской нации», чего можно добиться с помощью реализации трех целей: достижение экономического успеха, завершение формирования среднего класса (общество «сяо кан») и сплочение китайской нации. Среди принципиальных направлений реализации «китайской мечты» можно также выделить необходимость развития «китайского духа», патриотизма и инновации [30].

Так, 28 марта 2015 г. в рамках Боаоского Азиатского форума, посвященного содействию экономического сотрудничества в Азии, Си Цзиньпин заявил, что страны Азии «избавляются от сомнений и разобщенности, развивают отношения, основанные на взаимном признании и доверии, то есть все больше осознают себя сообществом, члены которого связаны единой судьбой» [31, с. 240].

Таким образом, идея сотрудничества КНР с зарубежными диаспорами эволюционировала от «хуацяо – сыновья китайской нации со своей определенной миссией» до идеи «единства нации» при пятом поколении руководителей. Однако, несмотря на изменение «формы» концепции содержание осталось прежним: поддержание отношений и покровительство хуацяо остается важным инструментом для продвижения «мягкой силы» КНР в странах Юго-Восточной Азии.

С целью повышения экономической привлекательности КНР предложила международному сообществу совместно работать над реализацией масштабного инфраструктурного проекта: «Один пояс – один путь». Данный проект включает в себя строительство «Шелкового пути» – сухопутного пути из Китая в Европу, к странам Средиземного моря, а также к странам Индийского океана через Юго-Восточную Азию (ЮВА), а также «Морского Шелкового пути XXI

века» (МШП) – морского пути из Китая в Европу и к южным частям Тихого океана.

Также, данный проект имеет важное значение в рамках концепции «китайской мечты», поскольку она направлена, в первую очередь, на зарубежную китайскую диаспору и должна реализовываться через международное взаимовыгодное экономическое сотрудничество. В связи с этим, китайскую инициативу «Один пояс – один путь», которая объединяет в себе два масштабных экономических проекта: «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века», следует рассматривать как практический шаг в реализации концепции «китайской мечты», где хуацяо являются ключевым посредником. Так, примерно 10% (500 млрд долл.) всего капитала хуацяо расположено в странах, которые задействованы в реализации проекта ЭПШП, и эта сумма в 12,5 раз больше объема Фонда Шелкового пути и в 5 раз больше объема Азиатского банка инфраструктурных развитий, что подразумевает вовлечение китайской диаспоры в деятельность по строительству ЭПШП [32, с. 109]. В этой связи, в последующих разделах будет рассмотрено внутреннее положение хуацяо в экономической сфере Индонезии, Малайзии и Таиланда, а также роль зарубежной диаспоры в содействии реализации проекта «Один пояс – один путь».

2.1. Влияние хуацяо в экономической, политической и культурной сферах в Индонезии.

Исторически индонезийские китайцы занимают сильное экономическое положение в стране, однако в политической сфере обладают слабыми позициями. Также, на протяжении долгих лет индонезийские хуацяо воспринимались местным населением в качестве иностранцев, чье национальное происхождение и лояльность всегда ставились под сомнение, что явно проявлялось во времена нестабильности в Индонезии, в особенности в период президентства Сухарто (1967 – 1998 гг.).

С приходом к власти нового президента Индонезии Бухаруддин Юсуф Хабиби был положен конец дискриминационной политики в отношении этнических китайцев, поскольку новое правительство взяло курс на политическое признание хуацяо. С целью упрочения своего политического положения и ограничения влияния милитаристов в правительстве, в 1999 году Бухаруддин Юсуф Хабиби пересмотрел избирательное законодательство, что стало стимулом для вовлечения этнических китайцев в политическую жизнь страны, начались создаваться первые политические партии индонезийских хуацяо. Такие партии можно было отнести к двум типам: «интеграционистские», выступавшие за интеграцию китайцев с сохранением их культурной самобытности, и «ассимиляционистские», выступавшие за слияние с местным населением [33, с. 135]. Сразу после принятия новых законов, касающихся реформирования избирательной системы, было создано две политических партии: Китайская Индонезийская партия реформ (Partai Reformasi Tionghoa Indonesia) и ассимиляционистская партия Парпиндо, которых, однако, не допустили до парламентских выборов 1999 года [34, с. 444].

Помимо политических партий активизировались и различные китайско-индонезийские объединения. В большинстве случаев такие ассоциации являются клановыми объединениями, основная деятельность которых направлена на увеличение социально-политического представительства этнических китайцев и защиту их интересов [35, с. 4]. Например, Ассоциация китайских индонезийцев (Chinese Indonesian Association) совместно с другими ассоциациями сыграла ключевую роль в принятии нового Закон о гражданстве №12/2006, согласно которому все этнические китайцы индонезийского происхождения признавались гражданами Индонезии, а Верховный Совет конфуцианской религии в Индонезии добился признания китайского Нового года официальным национальным праздником [35, с. 5] (законом 1967 году празднование национальных китайских праздников находилось под строгим запретом). Кроме этого, в период с 2001 по 2002 гг. были сняты запреты на ввоз литературных и музыкальных

произведений на китайском языке, что также способствовало уравниванию в правах местного и китайского населения.

Формирование новой политической и избирательной системы при Ю.Хабиби значительно повлияло на политическую инкорпорацию китайских индонезийцев. Во-первых, активное объединение хуацяо в партии показало, что ни одна из существующих партий не способна артикулировать и представлять интересы этнических китайцев. Во-вторых, введение процентного барьера в 2% наглядно показало, что партии китайских индонезийцев не способны самостоятельно его преодолеть. В связи с этим, партии хуацяо вынуждены создавать партийные коалиции, что уже априори не позволяет им отстаивать и продвигать свои интересы через своих представителей в парламенте [34, с. 446]. Например, во время парламентских выборов 2019 года две партии, возглавляемые индонезийскими китайцами, Партия солидарности Индонезии (Partai Solidaritas Indonesia) и партия Периндо (Partai Persatuan Indonesia) по отдельности набрали соответственно 1,89% и 2,67% голосов (при барьере в 4%), что не позволило им получить места в парламенте [36, с. 4].

В целом, индонезийские хуацяо с каждым годом активнее вовлекаются в политическую жизнь страны, принимая участие в выборах как на национальном уровне, так и на местном. Так, в 2004 году в выборах участвовали 100 китайских кандидатов, в 2009 году – 213, в 2014 году – 315 [35, с. 4].

В настоящее время китайские индонезийцы не подвергаются политической дискриминации: наряду с коренными индонезийцами китайцы обладают равными политическими и избирательными правами, могут создавать собственные партии, однако повышение процентного барьера создает определенные трудности для представительства этнических китайцев в законодательных органах страны.

Однако несмотря на правовое равноправие коренного населения и индонезийских китайцев, хуацяо в Индонезии до сих пор подвергаются дискриминации на бытовом уровне. Так, этнические китайцы чаще сталкиваются с незаконными действиями чиновников и вымогательством денег при медицинском

обслуживании или получении документов [33, с. 192]. Вплоть до 2014 года этнических китайцев как на официальном уровне, так и в повседневной жизни называли термином «Cina», который всегда использовался в негативном ключе, поскольку обозначал связь с КНР, в связи с чем индонезийские китайцы ассоциировались у местного населения с «агентами Китая». Но в 2014 году президент Сусило Бамбанг Юдойоно на официальном уровне вместо оскорбительного «Cina» вернулся к старым терминам 'Tionghoa' и 'Tiongkok', которые переводятся с индонезийского как «китайский» и «Китай» [33, с. 135].

Однако, ввиду этно-конфессиональных различий между коренным населением и китайскими индонезийцами и возникающих на этой почве конфликтов, китайская диаспора в Индонезии по-прежнему считается не ассимилировавшейся. К тому же, китайская община в Индонезии сама по себе не однородна, что позволяет китайцам идентифицировать себя по-разному. Традиционно выделяют две группы индонезийских китайцев: «перанакан» и «тотоки». «Перанакан» - самая многочисленная группа китайских индонезийцев, поскольку они являются потомками «старых» мигрантов (до 1978 года), и вследствие этого данная группа больше ассимилирована и разговаривает в основном на индонезийском языке. «Тотоки» — это китайцы в первом или втором поколении (рождены до 1965 года). «Тотоки» говорят на китайском и активно поддерживают китайскую культуру, соблюдают традиции. Они до сих пор идентифицируют себя с китайцами и культурой материкового Китая, поскольку во времена насильственной ассимиляции при режиме Сухарто это был единственный способ выразить свою национальную принадлежность [35, с. 5]. В постсухартовский период именно «тотоки» были подвержены процессу «китаизации», поскольку многие из них получали образование в Китае [35, с. 6].

В настоящее время благодаря стремительному экономическому росту КНР у китайских индонезийцев появилась возможность выступать посредниками во многих коммерческих сделках между Индонезией и КНР. И именно бизнес-сообщества «тотоков» чаще всего являются связующим звеном в индонезийско-китайских торговых отношениях, поскольку эта группа китайских

индонезийцев демонстрирует свою «китайкость» (Chineseness) и тесные связи с КНР [35, с. 8].

Будучи посредниками в торговых отношениях между КНР и Индонезией, в частности в секторе В2В, китайские предприниматели, осознавая важность личных связей и рекомендаций при ведении бизнеса с КНР, вступают в различные некоммерческие ассоциации, как, например, Ассоциация предпринимателей индонезийских китайцев, Сообщество предпринимателей индонезийских китайцев (Perkumpulan Masyarakat dan Pengusaha Tionghoa Indonesia) или Совет индонезийско-китайского бизнеса (Indonesia-China Business Council). Членство в таких организациях позволяет индонезийским хуацяо получить доступ к потенциальным китайским инвесторам и деловым партнерам. Кроме того, именно члены организаций выступают в качестве первого контактного пункта для деловых кругов КНР, когда они находятся в поиске инвестиционных возможностей в Индонезии [35, с. 7]. В связи с этим, данные ассоциации поддерживают тесные отношения как с посольствами и консульствами КНР, так и Индонезии.

Составляя всего 3-6% от общего количества населения Индонезии, индонезийские хуацяо владеют 204 из 300 наиболее крупными конгломератами, 9 из 10 крупнейшими финансовыми группами и контролируют примерно 73% экономики страны. Китайские индонезийцы ведут свой бизнес в разных секторах экономики. Крупнейшие компании-конгломераты индонезийских хуацяо («Салим Груп», «Липпо груп» и «Синар Мас Груп») осуществляют свою деятельность в отраслях промышленности, которые составляют основные статьи экспорта Индонезии. К таким отраслям относятся химическая, пищевая промышленность и производство строительных материалов. Также, индонезийские хуацяо развивают бизнес и в секторах финансовых услуг, торговли и недвижимости [15, с. 63].

Поскольку в политической сфере этническим китайцам не удастся напрямую представлять и защищать свои интересы, считается, что именно экономические механизмы воздействия позволяют индонезийским хуацяо влиять на политическую сферу страны. Среди основных инструментов лоббирования своих

интересов Е.С. Анохина выделяет спонсирование предвыборных кампаний, взятки, «откаты», создание связи между бизнесом и политикой [15, с. 64].

Факт того, что китайские индонезийцы контролируют значительную долю бизнеса страны и при этом являются этническим меньшинством, вызывает у коренного населения чувство несправедливости, что порождает такое явление как «социальная зависть» [22, с. 145]. Кроме того, отмена дискриминационных законов в отношении этнических китайцев в постсухартовский период способствовала тому, что в настоящее время индонезийские хуацяо имеют право свободно выражать свою культуру и традиции. Так, в 2001 году был разрешен ввоз книг и журналов на китайском языке, а в 2002 году в университетах Индонезии начали создаваться факультеты китаеведения и китайского языка [22, с. 135]. Также, стоит сказать, что в Индонезии повышается интерес и потребность в изучении китайского языка, поскольку он является языком торговли и бизнеса. Однако, данная тенденция наблюдается среди молодого населения индонезийских хуацяо, занимающегося бизнесом, а не среди коренного населения.

Кроме того, важную роль в распространении китайской культуры играет сам Пекин. Формирование привлекательного образа КНР рассматривается через распространение китайской культуры и языка, чему и способствуют институты Конфуция, поскольку они способствуют формированию привлекательного образа в целом, в странах ЮВА расположено 41 институт Конфуция, шесть из которых находятся в Индонезии [38, с. 26].

Однако публичная демонстрация китайской культуры, использование мандаринского китайского языка, а также открытое отождествление «тотоков» с материковым Китаем в совокупности с фактором «социальной зависти» вызовут новую волну негативной реакции в отношении индонезийских хуацяо [35, с. 8].

Что касается экономической сферы, то, как уже было сказано ранее, исторически китайские индонезийцы занимают устойчивые позиции в торговле и производстве. В Индонезии экономическая сфера является главной сферой тесного взаимодействия КНР и хуацяо. Так, КНР предоставляет льготы зарубеж-

ным инвесторам китайского происхождения; китайское правительство уже создало для вернувшихся соотечественников более 50 индустриальных зон, которые включают в себя индустриальные парки, предоставление земли в аренду и налоговые преференции [39, с. 106]. Итогом такой политики стало то, что в период с 1990 по 2000 годы китайские диаспоры в Индонезии, Сингапуре, Таиланде, Малайзии и на Филиппинах в целом инвестировали в экономику Китая около 90 млрд долларов [39, с. 106]. В связи с этим, наблюдается, так называемый, «эффект диаспоры»: в странах, где китайская диаспора составляет хотя бы 1% от численности всего населения, ежегодно рост торговых отношений с КНР колеблется в рамках 32–60% [40, с. 47]. Также, как уже упоминалось ранее, особое место в укреплении деловых связей занимают такие некоммерческие организации как Ассоциация предпринимателей индонезийских китайцев, Сообщество предпринимателей индонезийских китайцев и т.д., поскольку именно через них осуществляется первичное взаимодействие КНР с китайской бизнес-диаспорой Индонезии. Данные ассоциации образуют закрытую сеть неформальных личных контактов между индонезийскими китайцами и предпринимателями материкового Китая, что создает высокий уровень доверия между потенциальными инвесторами и торговыми партнерами.

В рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь» Индонезия является важным стратегическим партнером для КНР. В связи с этим, в 2015 году страны подписали Меморандум о взаимопонимании для дальнейшего инвестирования КНР в инфраструктурное развитие Индонезии [41]. Данная договоренность в значительной степени дополняет доктрину президента Джоко Видодо об «Индонезии – Морской оси мира», согласно которой страна должна превратиться в “логистический и торговый узел мирового значения”, а также стать крупнейшим мировым поставщиком и производителем морских продуктов [42, с. 199]. В этой связи индонезийские хуацяо выступают главными инвесторами данных проектов, поскольку совокупный капитал китайской диаспоры составляет более 5 трлн. долл., что во многом превышает капиталы банков, финансирующих проекты инициативы «Один пояс – один путь» [40, с. 46].

Однако, многие эксперты убеждены, что несмотря на экономическое сотрудничество индонезийских китайцев и КНР, китайская диаспора в Индонезии не может стать «проводником» интересов Пекина по ряду причин.

Во-первых, фактор «социальной зависти» затрудняет процесс ассимиляции индонезийских китайцев. Они до сих пор остаются этническим меньшинством, чьи интересы фактически не представлены в политической сфере. Владение значительной долей капитала страны вовсе не гарантирует им безопасность, поскольку местное население считает индонезийских китайцев «агентами КНР», что также препятствует продвижению позитивного имиджа Китая. Во-вторых, китайская диаспора в Индонезии составляет всего 3-6%, что не позволяет Пекину воздействовать на большую часть населения. В-третьих, большая часть представителей «старой» миграции индонезийских хуацяо («перананкан») опасается роста антикитайских настроений в связи с тесным сотрудничеством с материковым Китаем, и поэтому старается, на сколько это возможно, ассимилироваться.

2.2. Влияние хуацяо в экономической, политической и культурной сферах в Малайзии.

Этнические китайцы в Малайзии составляют 23% от местного населения и являются главным инструментом модернизации и экономического развития страны. Среднемесячный валовой доход китайцев намного выше, чем у любой другой этнической группы в Малайзии. Кроме того, большая часть влиятельных бизнесменов Малайзии имеет китайское происхождение, о чем свидетельствуют списки «50 богатейших людей Forbes». Так, в 2021 г. семь из десяти самых богатых граждан Малайзии были китайцами [43].

Компании малазийских китайцев ведут свою деятельность по различным направлениям: сельское хозяйство, тяжелая промышленность, пищевая промышленность, химическая промышленность, а также производство строительных материалов (в частности, цемент и фанера). «Куок Групп» («Kuok Group»),

«Хун Леон Групп» («Hong Leong Group»), «Берджая Корпорэйшн» («Berjaya Corporation»), «Паблик Бэнк» («Public Bank») крупнейшими компаниями, которые управляются хуацяо [15, с. 64]. В общем, этнические китайцы контролирует около 62% всех компаний, представленных на фондовой бирже [15, с. 64].

Несмотря на то, что малазийские китайцы задействованы почти во всех сферах, их позиции в особенности сильны в финансовой сфере. Так, 32 коммерческих банка из 37 находится под управлением хуацяо, где сумма уставных капиталов трех самых крупных банков равняется примерно 50 млн долл. [44, с. 372].

В этой связи, КНР стремится к развитию взаимовыгодных экономических отношений с этническими китайцами в Малайзии, следствием чего стал процесс интенсификации международного сотрудничества КНР и Малайзии. Так, в 2009 г. КНР стала крупнейшим торговым партнером Малайзии. Так, в 2018г после того, как в власти пришел новый премьер-министр Махатхир Мохамад, он объявил о пересмотре «неравных договоров», заключенных в рамках «Один пояс - один путь» между бывшим премьер-министром Наджибом Разаком и китайскими государственными компаниями еще в 2017 г. Среди основных причин такого радикального решения можно выделить дороговизну китайских проектов для Малайзии: самый дорогой проект обошелся бы в более чем 55 млн евро [45, с. 120]. Новое правительство опасается недостатка информации в осуществлении экономических проектов, поскольку они закреплены за китайскими государственными компаниями, в связи с чем нет гарантий того, что инфраструктурные объекты, реализованные в рамках инициативы «Один пояс - один путь» перейдут в собственность малазийских компаний, также приток китайских рабочих не позволяет местному населению получать новые рабочие места. Кроме того, низкая окупаемость проектов и возможное попадание в «долговую ловушку» закрепляется еще и тем, что проект инициативы «Один пояс - один путь» изначально были невыгодны для Малайзии, их заключение было осуществлено предыдущем правительством, чтобы получить лидерство в предвыборной кампании [45, с. 121].

Однако, Махатхир Мохамад согласился принять участие во втором саммите «Один пояс - один путь», который прошел в апреле 2019 г. Такая смена курса была подкреплена заявлением премьер-министра о том, что несмотря на противоречия, возникшие между КНР и Малайзией, Куала-Лумпур все же поддерживает китайскую инициативу [46]. Кроме этого, с 2016 г. КНР является крупнейшим иностранным инвестором для Малайзии [45, с 121]. Привлечению китайских инвестиций способствует китайская диаспора (хуацяо) в Малайзии, которая на 2019 г. составляла 22.8% от всего населения Малайзии [47]. По итогам саммита премьер-министр Малайзии заявил, что участие в китайской инициативе будет выгодно для всех стран-участниц, вне зависимости от их развития. Одновременно, были завершены переговоры о создании железной дороги на восточном побережье (East Coastal Rail Link), на который по итогам соглашения от 12 апреля 2019 г. цена была снижена почти в 10 раз от первоначальной [48]. Таким образом, Малайзия не отказалась от участия в инициативе «Один пояс - один путь», опасаясь потерять крупного экономического партнера, однако, следуя своим национальным интересам, использовала давление на КНР угрозой срыва ЭПШП в ЮВА.

Считается, что политическое влияние этнических китайцев в Малайзии осуществляется через прямое и косвенное давление [44, с. 372] и находится в зависимости от экономического положения представителей диаспоры. Так, владельцы крупного бизнеса из числа хуацяо стараются поддерживать связи с малазийскими представителями власти для продвижения собственных интересов, то есть осуществляют прямое влияние. Помимо китайских бизнесменов представители различных организаций стремятся установить контакты с малайскими политиками. Среди основных ассоциаций самой влиятельной считается Китайская торгово-промышленная палата в Куала-Лумпур. Одной из ключевых целей данной организации является осуществление посредничества между компаниями хуацяо и государством по вопросам ведения бизнеса и сотрудничества, что позволяет рассматривать данную организацию как канал взаимо-

действия экономической элиты, представленной этническими китайцами, с политической элитой страны, где основные посты занимают малазийцы.

Также, именно китайская диаспора не позволяет малазийским исламистам прийти к власти, выполняя роль так называемого «маятника» [49, с. 157]. Так, во время роста радикальных настроений среди малазийцев хуацяо, опасаясь эскалации этно-конфессионального конфликта и роста фундаментального исламиста, во время выборов голосуют за правящую партию Национальный Фронт, в рамках которой функционируют разные политические партии, включая Китайскую ассоциацию Малайзии (МСА – Malaysian Chinese Association). Однако, МСА получает очень мало поддержки со стороны китайской диаспоры.

Это произошло во время выборов 1999 г., что обеспечило победу Махатхиру Мохаммаду, а также в 2013 г., когда большинство голосов (50,1%) было отдано Народному блоку, в состав которого входят исламистские партии, однако Национальный фронт получил большинство мест в парламенте, поскольку места распределяются по мажоритарной системе.

В период премьерства Махатхира Мохаммада проводилась политика по созданию полиэтничности или мультикультурализма для сдерживания процессов исламизации. В связи с чем малазийские китайцы также являются важной частью малазийской нации. Тем не менее, этно-конфессиональные различия, а также память о дискриминационной политике второй половины XX в. в отношении хуацяо препятствуют ассимиляции. Кроме того, этнические китайцы в Малайзии продолжают вести семейно-клановый образ жизни, а также общаются между собой на китайском языке. Еще одним фактором напряженности является разная религиозная принадлежность малазийцев и китайцев: так, большая часть местного населения исповедуют ислам, в то время как китайцы придерживаются религиозного синкретизма.

Несмотря на экономическое влияние этнические китайцы все равно подвергаются дискриминации на различных государственных уровнях. На протяжении многих лет правительство Малайзии не переставало называть этнических китайцев “пендатанг”, что в переводе с малайского означает “иммигрант”.

Такие формулировки подтверждают и часто усугубляют различия, существующие между малазийцами и хуацяо. Кроме того, в феврале 2015 г. министр сельского и регионального развития Датук Сери Исмаил Сабри Якоб использовал расистские выражения, чтобы побудить малайских потребителей бойкотировать китайские предприятия, которые повышают цены на свою продукцию [50].

Это приводит к тому, что представители китайской диаспоры в Малайзии формируют свою идентичность через чувство гордости к тому, что они принадлежат к великой китайской нации, что открывает перспективы для сохранения прочных связей с КНР.

В культурной сфере, малазийские хуацяо посредством СМИ и телевидения стараются популяризировать китайскую культуру и традиции. Также, существует пресса на китайском языке.

2.3. Влияние хуацяо в экономической, политической и культурной сферах в Таиланде.

В отличие от этнических китайцев, проживающих в Индонезии и Малайзии, представители китайской диаспоры в Таиланде являются ассимилировавшейся частью общества, что обусловлено историческим развитием китайской диаспоры в Таиланде до XX века, а также политикой П. Сонгкхрама по строительству национального государства. В связи с высокой степенью ассимиляции подсчет количества зарубежных китайцев, проживающих в Таиланде затруднен. В среднем, доля тайских хуацяо составляет примерно 14% населения, а среди тайцев около 40% населения имеет китайские корни [51, с. 191]. Также, отличительной чертой тайских хуацяо является то, что они не проживают в отдельных кварталах (т.н. чайна-таунах) и не придерживаются семейно-кланового принципа, как, например, в Малайзии.

Также, многие представители диаспоры имеют тайские имена. Помимо этого, хуацяо практически не разговаривают на китайском языке. Однако, рост роли Китая на мировой экономической арене побудил многие тайско-китайские

деловые семьи рассматривать китайский язык и знание китайской культуры как выгодный актив для участия в экономических связях и ведения бизнеса между Таиландом и КНР. Так, на сегодняшний день китайский язык занимает второе место по степени распространенности изучения, уступая лишь английскому.

В этой связи, некоторые семьи поощряют своих детей изучать китайский язык, чтобы воспользоваться преимуществами своей этнической китайской идентичности в экономическом сотрудничестве с Китаем, а также расширить свои возможности в бизнесе и карьере [52].

Таким образом, исследователи выделяют две группы представителей китайской диаспоры: тех, кто говорит на китайском языке и тех, кто говорит на тайском (т.н. «лук цын» [15, с. 63]). Но, стоит отметить, что в Таиланде распространение китайского языка среди хуацяо, в отличие от Индонезии и Малайзии, не связано с сохранением национальной принадлежности с китайской нации. Изучение китайского языка в равной степени популярно и среди тайцев, поскольку знание языка открывает новые возможности для ведения бизнеса с Китаем.

Так, между КНР и Таиландом интенсифицируются каналы культурно-образовательного обмена, что позволяет Пекину реализовывать свою концепцию «мягкой силы». Так, еще в 2007 г. во время XVII съезда КПК председатель КНР Ху Цзиньтао обосновал необходимость повышения значимости китайской культуры в формировании привлекательного имиджа страны за рубежом [53, с. 17]. Важную роль в распространении китайских культурных ценностей играют такие образовательные учреждения, как Институты Конфуция. В Таиланде находится 15 Институтов Конфуция, что является самым большим количеством в Юго-Восточной Азии [38, с. 29]. Кроме того, китайское правительство каждый год предоставляет более тысячи преподавателей китайского языка Таиланду, а также открывает около ста стипендий для привлечения тайских студентов в китайские образовательные учреждения [38, с. 29]. Как уже было сказано ранее, культурно-образовательный обмен является одним из способов осуществления

«мягкой силы», что в долгосрочной перспективе также способствует формированию лояльности к Китаю со стороны образованной части тайского населения.

Таким образом, тайские китайцы не стремятся отождествлять себя с китайской нацией, проживающей в материковом Китае. В этой связи, разделение тайского населения на китайцев и тайцев осуществляется, скорее, по экономическому признаку, а не по этническому. Хуацяо в Таиланде, как в Малайзии и Индонезии, занимают влиятельное положение в экономической сфере страны, их компании задействованы почти во всех секторах экономики, а также торгово-экономическая деятельность тайских китайцев носит формы семейной организации бизнеса.

Хуацяо в Таиланде обладают более 80% компаний, ценные бумаги которых торгуются на фондовой бирже, а также четыре крупнейших тайских банка управляется китайцами [15, с. 64]. Так, китайско-тайское деловое сообщество является доминирующей экономической группой в стране, которая контролирует практически все основные бизнес-секторы по всей стране и крупные конгломераты, такие как компания «Чароен Покпанд Групп» («Charoen Pokphand Group»), которая является лидером в таких секторах как сельское хозяйство, пищевая промышленность и телекоммуникационный сектор, компания «Сентрал Групп» («Central Group») занимает доминирующие позиции сферах торговли и недвижимости.

В связи со стремительным экономическим ростом КНР приведенные выше тайско-китайские конгломераты стали крупнейшими инвесторами в материковом Китае по сравнению с другими зарубежными китайскими диаспорами, проживающими в иных регионах. Так, «Чароен Покпанд Групп», тайский конгломерат, основанный семьей Чеараванонт, имеющей китайское происхождение, является крупнейшим иностранным инвестором в Китае [52]. Другой тайско-китайский конгломерат CP Group, который владеет и управляет Tesco Lotus, является одним из крупнейших зарубежных гипермаркетов в Китае [54, с. 94].

Что касается реализации китайского проекта «Один пояс – один путь», то Таиланд заинтересован в привлечении китайских инвестиций для реализации

инфраструктурных проектов, поскольку политическая нестабильность страны препятствует совместному развитию этих проектов в рамках АСЕАН. Так, строительство высокоскоростной железной дороги, являющейся частью железнодорожной линии Сингапур - Кунимин, запланированной еще в 1999г и позже, в 2010г добавленной в «Генеральный план 2025» АСЕАН, вследствие государственного переворота в Таиланде 2006 г. было отложено на 10 лет [54, с. 94]. Правительство КНР, в свою очередь, в 2015 г. заявило о начале строительства железной дороги в Таиланде [54, с. 95].

Таким образом, экономическое влияние тайских китайцев играет решающую роль в поддержании экономической жизнеспособности и процветания страны, и, кроме того, благодаря мощным экономическим позициям тайские хуацяо формирует многочисленный слой среднего класса, а также доминирует в богатой элите страны. Так, современный тайский бизнес-сектор сильно зависит от этнических китайских предпринимателей и инвесторов; их поддержка усиливается присутствием законодателей и политиков, по крайней мере частично китайского происхождения. Среди многих китайских предпринимателей в Таиланде, начиная со второй половины XX века, является престижным обеспечить своим детям достойное образование в лучших ВУЗах страны, поскольку хорошее образование открывает доступ тайским китайцам к получению работы в государственном аппарате Таиланда, а также к ведению деятельности, требующей высокой экспертности и квалификации. Многие китайские предприниматели.

В этой связи, представители китайских торгово-промышленных семей активно участвовали и до сих пор продолжают участвовать в политической жизни страны, формируя «технократическую элиту тайского общества» и становясь «флагманами технического прогресса и развития инновационных технологий в стране» [55, с. 205].

Так, например, таец китайского происхождения Пуэй Ынгпхакон выиграл грант на обучение в Великобритании, по окончании которого он вернулся в

Таиланд стал председателем Банка Таиланда в 1959 г, проработав до этого на разных государственных постах [55, с. 205].

Другим примером успешной карьеры зарубежного китайца в политической сфере является лидер Демократической партии Чуан Ликпхай. В сентябре 1992 г. во время парламентских выборов Демократическая партия во главе с Чуан Ликпхаем получила большинство. Помимо этого, Чуан Ликпхай дважды был премьер-министром Таиланда (1992-1995 гг., 1997-2001 гг.), что свидетельствует о его популярности среди электората [56, с. 226].

Преемником Чуан Ликпхая вновь стал зарубежный китаец – Таксин Чинават. Так, в 1998 г. под влиянием либерально-демократических настроений общества Таксин Чинават сформировал демократическую партию «Тхай Рак Тхай» («ТРТ»), которая пользовалась большой популярностью среди местного населения. Став премьер-министром в феврале 2001 г., Таксин сформировал новое правительство, основную часть которого составляли крупные предприниматели. Был избран новым премьер-министром страны [55, с. 26].

Начиная с этого времени и до сегодняшнего дня, за установление влияния в политической жизни Таиланда продолжают бороться члены наиболее влиятельных кланов тайских китайцев. Так, например, до военного переворота 2014 г. премьер-министром стала Йинглак Чинават (сестра Таксин Чинавата), чья партия «Пхья Тхай» одержала победу на парламентских выборах Таиланда в июле 2010 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что благодаря высокому уровню ассимиляции хуацяо в Таиланде играют важную роль не только экономической сфере, как и в большинстве стран Юго-Восточной Азии, но и принимают активное участие политической жизни страны. Так, в период с 1998 г. по 2010 г. почти каждый премьер-министр был представителем диаспоры или же имел китайских предков. Что касается связей хуацяо с КНР, то можно сказать, что поддержание отношений с Пекином осуществляется в основном в рамках взаимовыгодных условий ведения экономической деятельности. Тайские китайцы, по сравнению с индонезийскими и малайскими китайцами, не подвергаются

дискриминации и не стремятся дистанцироваться от местного населения по этническим признакам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенной работы можно выделить следующие выводы.

Переселение этнических китайцев в страны Юго-Восточной Азии можно разделить на четыре этапа: первый этап - с древнейших времен до первой половины XIX века; второй – с середины XIX века до 1949 года, третий – с 1949 года до 1978 года; четвертый, «новая» волна миграции, – с 1978 года по настоящее время. Первая волна переселения была вызвана запретом на частную торговлю, в связи с чем многие китайцы оставались на постоянное место жительства в странах Юго-Восточной Азии для продолжения своей экономической деятельности. Именно в этот период начинает формироваться первое поколение хуацяо, которые в основном были заняты в сфере торговли и добывающей промышленности. Вторая волна была тесно связана с началом европейской колонизации, что придало импульс к тому, что хуацяо помимо экономической сферы активизировали свою деятельность в политической и административной сферах стран пребывания, поскольку исполняли роль откупщиков и посредником между европейцами и местным населением. В Малайзии и Индонезии такое положение этнических китайцев приводило к конфликтам с местным населением, поскольку, будучи меньшинством они обладали большей частью капитала. Однако, в Таиланде, в отличие от других стран Юго-Восточной Азии, этнические китайцы не воспринимались «чужаками» и, как следствие, что способствовало интенсификации процесса ассимиляции. На основе исторического положения хуацяо в этих странах формируются отношения между этническими китайцами и местным населением и в настоящее время. Так, в Индонезии и Малайзии хуацяо являются не ассимилировавшейся частью населения, что вызвано этно-конфессиональными различиями, и сохраняют свою культурную и языковую связь с материковым Китаем, в то время как тайские китайцы смешались с местным населением, в связи с чем могут активно участвовать в политической жизни страны. В период с 1949 по 1978 гг. эмиграция китайцев прекратилась, что было вызвано непоследовательной политикой КНР в отношении за-

рубежных «соотечественников». Четвертая волна продолжается до сих пор, и состав «новых мигрантов» значительно отличается: большая часть китайцев стремится переехать в страны Европы или в США для получения качественного образования или для поиска высокооплачиваемой работы. В этой связи, приток китайских мигрантов в Индонезию и Малайзию сократился, однако Таиланд по-прежнему принимает новых мигрантов, поскольку китайцы считают страну наиболее безопасным местом и воспринимают ее в качестве транзитного пункта, а не постоянного места жительства.

Что касается специфики формирования китайской диаспоры в Таиланде, Индонезии и Малайзии, то исторически хуацяо были заняты в экономической и финансовой сферах, где сохраняли за собой большую долю капитала по сравнению с местным населением. Такое состояние сохраняется и сейчас: во всех трех странах китайцы составляют этническое меньшинство и владеют крупнейшими конгломератами и банками.

В этой связи, КНР стремится использовать высокий экономический потенциал соотечественников для реализации своих экономических интересов, а также для осуществления «мягкой силы» через общность языка, культуры и истории, что выражается в государственной концепции «китайской мечты». В экономической сфере планируется сотрудничество с предпринимателями из числа китайской диаспоры в рамках масштабного инфраструктурного проекта «Один пояс – один путь». Однако, устойчивый и целенаправленный курс на поддержание отношений с диаспорой начал формироваться правительством КНР только в периоде реформ и открытости при Дэн Сяопине. До этого, диаспоральная политика КНР носила непоследовательный характер.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Current GDP // The World Bank. – 2020. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?most_recent_value_desc=true (дата обращения: 14.05.2022).
2. Чжифен, Чжан. Экономические реформы в Китае: их особенности, механизмы, факторы успеха / Чжан Чжифен // Вестник ТГУ. - 2003. - №4. – С.104-118.
3. World Migration Report 2022 // International Organization for Migration (IOM) UN MIGRATION. – 2022. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022> (дата обращения: 14.05.2022).
4. The Overseas Chinese: A long history // UNESCO. – 2021. – URL: <https://en.unesco.org/courier/2021-4/overseas-chinese-long-history> (дата обращения: 23.04.2022).
5. Афонасьева, А. Экономическое влияние хуацяо в Юго-Восточной Азии: перспективы Китая / А. В. Афонасьева // Синология.Ру. – URL: <https://www.synologia.ru/a/> (дата обращения: 23.04.2022).
6. Золотухин, И. Н. Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии / И. Н. Золотухин // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2011. – № 2(17). – С.157-163.
7. Ларин, А.Г. Китай и зарубежные китайцы : монография / А.Г. Ларин. – Москва : Российская академия наук Институт Дальнего Востока, 2008. – 78 с.
8. Калмыков, П.Н. Современная китайская диаспора. Россия в структуре международной китайской миграции : специальность 07.00.07 Этнография, этнология и антропология : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Калмыков Петр Николаевич ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2013. – 30 с.
9. Цзецзин, Гу. История китайской эмиграции: основные этапы развития / Гу Цзецзин // European Journal of Arts. – 2016. – №3. – С. 59-61.

10. Lockard, Craig A. Chinese Migration and Settlement in Southeast Asia Before 1850: Making Fields From the Sea / Craig A. Lockard // *History Compass*. – 2013. – 11(9). – P. 765-781.
11. Tay, A. The Chinese in South-East Asia / A. Tay // *Race Class*. – 1962. – 4(1). – P. 34-48.
12. Левенсон, Г.И. Китайские этнические группы в странах Юго-Восточной Азии : монография / Г.И. Левенсон, Г.Ф. Ким, Г.И. Чуфрин ; под редакцией Г.И. Левенсон. – Москва : «Наука», 1986. – 283 с.
13. Skinner, G.W. Chinese Society in Thailand: An Analytical History / G.W. Skinner // Cornell University Press, 1957. – P. 461. – ISBN: 9781597406062.
14. Берзин, Э.О. История Таиланда (Краткий очерк) : монография / Э.О. Берзин. Москва : «Наука», 1973. – 320 с.
15. Анохина, Е.С. Китайские диаспоры и «новая» китайская миграция в странах Юго-Восточной Азии / Е. С. Анохина // *Вестник Томского государственного университета*. – 2012. – №361. – С. 62-65.
16. Gamble, A. Overseas Chinese Entrepreneurship and Capitalist Development in South-East Asia / A. Gamble // *LIT*, 1999. – P. 173. – ISBN 3-8258-4386-6.
17. Оганесян, А.Л. Участие КНР в современных миграционных процессах: особенности и основные направления / А.Л. Оганесян // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. – 2020. – №2. – С. 77-87. Novhannisyanyan A. Yu The history of the formation and development of the T Chinese diaspora, p. 27
18. Сергеева, А. А. Диаспора - двигатель китайского «экономического чуда» поиски эффективного использования диаспоры / А. А. Сергеева // *Азия и Африка сегодня*. – 2011. – № 9. – С. 27-36.
19. Золотухин, И. Н. Проблемы национального строительства в Малайзии / И. Н. Золотухин // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. – 2009. – №2. – С.91-99.
20. Струкова, М. И. Этнические китайцы в Индонезии: история и влияние на социально-экономические и конфессиональные отношения / М. И. Стру-

кова // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики. – 2020. - №94 (5). – С. 110-116.

21. Орлова, М. В. Китайские диаспоры в Индонезии и Малайзии / М. В. Орлова // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2009. – № 12. – С. 164-173.

22. Петрова, О. Л. Положение китайского меньшинства в Индонезии в свете индонезийско-китайских отношений / О. Л. Петрова // ЮВА: актуальные проблемы развития. – 2017. – №35. – С. 131-146.

23. Loos, T. Subject Siam: Family, Law, and Colonial Modernity in Thailand. / T. Loos // Ithaca: N.Y., Cornell University Press, 2006. – P.205. – ISBN: 9781501728259.

24. Chantavanich, S. From Siamese-Chinese to Chinese-Thai: Political Conditions and Identity Shifts among the Chinese in Thailand / S. Chantavanich // Ethnic Chinese as Southeast Asians ; ed. by Suryadinata L. Singapore: – ISEAS, 1997. – P. 241-142.

25. Карпова, С. О. Националистическая политика Пхибуна Сонгкхрама и её влияние на китайскую общину Таиланда / С. О. Карпова // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2021. – Т. 4. – № 4(53). – С. 274-283. – DOI 10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-280.

26. Ларин А.Г. Китай и зарубежные китайцы : [монография] / А. Г. Ларин. – Москва : Российская академия наук Институт Дальнего Востока, 2008. – 94 с.

27. Теория гармоничного мира председателя Ху Цзиньтао // Газета «Жэньминь жибао» онлайн. – 2009. – URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6823894.html> (дата обращения: 28.04.2022).

28. Наумов А.О. «Мягкая сила» и публичная дипломатия : курс лекций / А.О. Наумов ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва : Издательство Московского университета, 2019. – 208 с. – ISBN 978-5-19-011395-2.

29. Full text of Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress // China Daily. - 2017. - URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/19thcpcnationalcongress/2017-11/04/content_34115212.htm (дата обращения: 13.05.2022).
30. Сыроежкин, К. Китайская мечта / К. Сыроежкин // Carnegie Endowment for International Peace : [сайт]. - 2013. - 15 мая. - URL: <https://carnegieendowment.org/2013/05/15/ru-pub-51826> (дата обращения: 13.05.2022).
31. Михневич, С. В. «Мечтаем вместе»: экономическое измерение «умной силы» КНР в Юго-Восточной Азии / С. В. Михневич // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. - 2018. - №4. - С. 237-255.
32. Афонасьева, А. В. Зарубежные китайцы как один из инструментов реализации проекта экономического пояса Шелкового пути / А. В. Афонасьева // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. - 2016. - № 4(10). - С. 102-115.
33. Петрова, О. Л. Положение китайского меньшинства в Индонезии в свете индонезийско-китайских отношений / О. Л. Петрова // ЮВА: актуальные проблемы развития. - 2017. - №35. - С. 131-146.
34. Freedman, A. Political institutions and ethnic Chinese identity in Indonesia / A. Freedman // Asian Ethnicity. - №4(3) - 2010. - P. 439-452.
35. Setijadi, Ch. Ethnic Chinese in Contemporary Indonesia: Changing Identity Politics and the Paradox of Sinification / Charlotte Setijadi // ISEAS Perspective. - 2016. - №12. - P. 1-11.
36. Suryadinata, L. Chinese Participation in the 2019 Indonesian Elections / L. Suryadinata // ISEAS Perspective. - 2019. - №58. - P. 1-8.
37. Петрова, О. Л. Китайская диаспора в Индонезии в условиях демократических реформ / О. Л. Петрова // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. - 2018. - №1. - С. 187-193.

38. Рогожина, Н.Г. «Мягкая сила» в политике Китая в странах Юго-Восточной Азии / Н.Г. Рогожина // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2017. – № 34. – С. 24-33.

39. Золотухин, И.Н. Китайская бизнес-диаспора в Юго-Восточной Азии / И.Н. Золотухин // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2012. – №3 (22). – С. 103-108.

40. Сергеева, А.А. Диаспоральная политика КНР на современном этапе (новые меры) / А.А. Сергеева // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран востока : материалы международной научно-практической конференции / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 2018. – С. 45-55.

41. Joint Statement on Strengthening Comprehensive Strategic Partnership between the People's Republic of China and The Republic of Indonesia / Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 2015. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/201503/t20150327_679397.html (дата обращения: 14.05.2022).

42. Ефимова, Л.М. Индонезийская «Морская ось мира» и китайская «Морской Шелковый путь 21 века» / Л.М.Ефимова // Вестник МГИМО (у). – 2015. – № 45. – С. 196-204

43. Malaysia's richest 2021 / Forbes. – 2021. – URL: <https://www.forbes.com/malaysia-billionaires/#290a06a27bdd> (дата обращения: 14.05.2022).

44. Ульянова, И. В. Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии / И. В. Ульянова // Общество и государство в Китае. – 2015. – №2. – С. 499-505.

45. Федорова, А.А. Выход Малайзии из китайской инициативы «Один пояс – один путь» / А.А. Федорова // Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации (Пенза, 25 ноября 2018 г.) – Пенза, 2018. – С. 119-121.

46. This week in Asia: Malaysia 'values China': Mahathir signs up to Xi's second belt and road summit / This week in Asia. – 2019. – URL:

<https://www.scmp.com/week-asia/geopolitics/article/2186379/malaysia-values-china-mahathir-signs-xis-second-belt-and-road> (дата обращения: 14.05.2022).

47. Department of Statistics Malaysia: Current Population Estimates, Malaysia, 2018 – 2019 / Department of statistics Malaysia official portal. – 2022. – URL: https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/ctHEMEByCat&cat=155&bul_id=aWJZRkJ4UEdKcUZpT2tVT090Snpydz09&menu_id=L0pheU43NWJwRWVVSZklWdzQ4TlhUUT09 (дата обращения: 14.05.2022).

48. Премьер Малайзии: инициатива «Один пояс – один путь» будет выгодна для всех участников / ТАСС. – 2020. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6386430> (дата обращения: 14.05.2022).

49. Урляпов, В.Ф. Итоги всеобщих выборов в Малайзии / В. Ф. Урляпов // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2013. – № 21. – С. 155-163.

50. Minister calls for Malay boycott of Chinese business to lower prices / The Malaysian Insider. – 2015. – URL: <http://www.themalaysianinsider.com/malaysia/article/minister-calls-for-malay-boycott-of-chinese-businesses-to-lower-prices> (дата обращения: 14.05.2022).

51. Luangthongkum, T. The Position of Non-Thai Languages in Thailand / T. Luangthongkum // Language, Nation and Development in Southeast Asia. ISEAS. – 2007 – P. 181-194.

52. Chua, A. World on Fire: How Exporting Free Market Democracy Breeds Ethnic Hatred and Global Instability / A. Chua // Population Council. – 2003. – Vol.29. – №2. – P. 319-322. – ISBN 978-0-385-72186-8.

53. Ким, В. С. Трансформация стратегии «Мягкой силы» КНР в современных условиях / В. С. Ким, Я. А. Бохан // Вестник ЧелГУ. – 2012. – №12 (266). – С. 17-20.

54. Gomez, T. Chinese business in Malaysia Accumulation, Ascendance, Accommodation (Chinese Worlds) / T. Gomez. Routledge ; 1st edition. – UK, 2012. – 256 p. ISBN 978-0415517379.

55. Baker, C. A History of Thailand / C. Baker, P. Pasuk. Cambridge University Press. – 2014. – 346 p. – ISBN 978-1-107-42021-2.

56. Бектимирова, Н.Н. Альтернативные пути демократизации: на примере Камбоджи и Тайланда : [монография] / Н. Н. Бектимирова, В. А. Дольникова ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. мировой политики. – Москва : URSS, 2009. – 314 с. – ISBN 978-5-9710-0241-3.

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 Т.Ю. Сидорова

подпись инициалы, фамилия

« 7 » 06 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Влияние зарубежной китайской диаспоры на государства Юго-Восточной
Азии: Малайзии, Индонезии и Таиланда

Руководитель

 25.05.22
подпись, дата

доцент, к.ю.н

должность, ученая степень

В.А. Мещериков

инициалы, фамилия

Выпускник

 24.05.22
подпись, дата

Д.Е. Боброва

инициалы, фамилия

Красноярск 2022